

Социальное государство как практика компромисса: модели государства благосостояния в Европе

Г.Ю. Канарш

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье проведен анализ особенностей трех основных моделей социального государства: германской, североевропейской и англосаксонской. К анализу указанных моделей автор обращается в связи с тем, что, во-первых, проблематика социального государства в мире вновь выходит на первый план, а во-вторых, в связи с этим социальное развитие в наиболее развитых странах и в будущем станет во многом определяться теми ценностями и поведенческими моделями, которые заложены в трех основных вариантах социального государства в Европе. В то же время, как показано в статье, социальное государство в Европе имеет важные страновые особенности. Германская модель характеризуется акцентом на поддержание социально-экономического статуса индивида – это консервативная модель. Североевропейская модель основана на принципах всеобщего равенства и универсализма – это социал-демократическая модель. И англосаксонская модель, основанная на низкой роли государства, большом значении гражданского общества и поддержке нуждающихся, – это либеральная модель. Несмотря на значительные отличия, как показано в статье, все эти модели характеризуются стремлением реализовать компромиссные начала, найти некую «золотую середину», что обуславливает их высокую эффективность. С точки зрения автора, ключевые черты Европейской социальной модели, объединяющей указанные три, – уважение прав и человеческого достоинства, идеи равенства и солидарности, социального и политического компромисса и выбора эволюционного пути развития. По мнению автора, эти особенности составляют главное отличие европейской модели от того, что характеризует политическую культуру России, с ее максимализмом и стремлением к крайностям. Автор полагает, что социальный опыт Европы – это то, к чему необходимо обращаться сегодня в российских условиях и что может быть необыкновенно ценным для нас.

Ключевые слова: социальное государство, государство благосостояния, философия экономики, социальная философия, Западная Европа, Америка, консерватизм, либерализм, социал-демократия, прагматизм.

Канарш Григорий Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии, Институт философии РАН, Москва, Россия.

grigkanarsh@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4723-9820>

Для цитирования: *Канарш Г.Ю.* Социальное государство как практика компромисса: модели государства благосостояния в Европе // *Философские науки.* 2020. Т. 63. №. 3. С. 142–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-142-159

The Welfare State as a Practice of Compromise: European Models

G. Y. Kanarsh

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the features of three main models of the welfare state: German, Northern European, and Anglo-Saxon. The author turns to the analysis of these models, first, because the problem of the welfare state in the world is again coming to the fore, and secondly, because social development in the most developed countries, in the author's opinion, in the future will be largely determined by the values and behavioral models that are embedded in the three main versions of the social state in Europe. From the author's point of view, the key features of the European social model, which combines these three versions, are respect for rights and human dignity, the ideas of equality and solidarity, the ideas of social and political compromise, and the choice of an evolutionary path of development. According to the author, these features are the main difference between the European model and what characterizes the political culture of Russia with its maximalism and tendency to extremes. The author believes that the social experience of Europe is something that needs to be addressed today in Russian conditions and that can be extremely valuable for us. At the same time, as shown in the article, the welfare state in Europe has important country features. The German model is characterized by an emphasis on maintaining the socio-economic status of the individual – this is a conservative model. The Northern European model is based on the principles of universal equality and universalism – it is a social-democratic model. And the Anglo-Saxon model, based on the low role of the state, on the great importance of civil society, is a liberal model. Nevertheless, despite significant differences, as shown in the article, all these models are characterized by the desire to implement compromise principles, to find a “Golden mean,” which makes them highly effective.

Keywords: welfare state, social state, philosophy of economy, social philosophy, Western Europe, America, conservatism, liberalism, social democracy, pragmatism.

Grigory Y. Kanarsh – Ph.D. in Politics, Senior Research Fellow at the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

grigkanarsh@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4723-9820>

For citation: Kanarsh G.Y. (2020) The Welfare State as a Practice of Compromise: European Models. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 3, pp. 142–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-3-142-159

Введение

Одной из важнейших проблем современного общественного развития остается проблема трансформаций, которым подвергается институт социального государства на протяжении последних десятилетий, начиная с 1980-х гг. Согласно недавнему исследованию «Edelman Trust Barometer 2020», представленному на Всемирном экономическом форуме в Давосе, большое число людей во всем мире (включая развитые страны) недовольно капитализмом. Прежде всего, их беспокоят усиливающееся социальное неравенство, перспективы остаться без работы в результате автоматизации производства, также они не доверяют социальным институтам [см.: Edelman... 2020]. Как считают некоторые исследователи, такое отношение к капитализму, учитывая, что уровень и качество жизни постоянно росли на протяжении последних десятилетий, является своего рода социальной шизофренией. Например, экономист В.Л. Иноземцев полагает, что-то произошло со способностью людей рационально оценивать условия своей жизни, раз они не могут понять, что именно развитие и процветание капитализма дает им те блага, которые они имеют [Иноземцев 2020].

Между тем в действительности ситуация в мире современного капитализма весьма далека от благополучной. Как показывают французские социологи Л. Болтански и Э. Кьяпелло, капитализм (прежде всего финансовый) сегодня находится на подъеме, тогда как общество переживает серьезный спад [Болтански, Кьяпелло 2011]. Это связано с тем, что в условиях перехода к новому типу взаимоотношений экономики и общества в последней трети XX и в начале XXI в. (именуемого в литературе понятием «постфордизм») экономика в целом стала менее социальной, в гораздо меньшей степени удовлетворяющей чаяния больших масс людей

[Постфордизм... 2015; Уэбстер 2004, 87–102; Шевчук 2000]). Впрочем, такой переход совершился не одномоментно: в нем можно выделить, как минимум, два этапа – период волны неоконсерватизма (1980-е гг.) и глобализации (1990-е и 2000-е гг.). Неоконсервативная волна означала серьезный кризис государства благосостояния, глобализация усилила эту тенденцию. Сегодня можно говорить об определенной стабилизации и начале поиска новых форм взаимоотношений экономики и общества (попытка найти новые формы социализации экономики).

Настоящая статья посвящена анализу основных моделей социального государства, сформировавшихся во второй половине XX в. на Западе, которые, несмотря на их определенную трансформацию в конце XX и начале XXI вв. (см. подробнее: [Канарш 2020a]), по-прежнему остаются основой социальной политики в странах Европы и Америки. Наше обращение к этим, ставшим уже классическими, моделям, продиктовано попыткой понять, какие ценности и модели поведения являются основополагающими для социального государства Запада. Мы думаем, что данные особенности и далее будут определять характер социальной политики в ведущих странах мира, что этот опыт может быть полезен для осмысления социальной реальности и в нашей стране.

Несмотря на значительные различия между этими моделями, все они идут по пути Дж.Ст. Милля, а не К. Маркса – пути постепенного эволюционного развития, а не радикальной ломки, – сочетая в себе противоречивые элементы и достигая значимого компромисса между социальными классами и политическими силами. Этот путь (Дж.Ст. Милля) стал характерным для Европы уже со второй половины XIX в. и преобладает и поныне [Гранин 2019, 61]. В этом, как нам представляется, его кардинальное отличие от пути России, показавшей на протяжении всего XX в. свою склонность к максимализму и радикальным решениям.

Особенности Европейской социальной модели

Как известно, «золотым веком» капитализма были два послевоенных десятилетия (1950–1960-е гг.). Это время обозначается в литературе как эпоха «фордистского компромисса», когда в результате широкого консенсуса на Западе (между основными социальными силами – государством, профсоюзами и организациями предпринимателей) было реализовано социальное государство («государство всеобщего благосостояния») в его на тот момент наиболее развитой форме («защищающее социальное государство») [Harvey 1990, 125–140; Федотова, Колпаков, Федотова 2008, 254–258]. Этот компромисс предполагал, что предприниматели активно инвестируют в производственный процесс, занимают

ся технологическим развитием и платят налоги. Профсоюзы, в свою очередь, гарантировали обеспечение социального мира в обмен на постоянное повышение благосостояния своих членов. Государство выступало в роли посредника в отношениях труда и капитала, а также осуществляло инфраструктурные проекты и создавало широкую сеть социальной поддержки населения (образование, здравоохранение, социальные пособия). В конечном счете такая прагматичная схема сотрудничества позволила в достаточно короткие сроки (два десятилетия) создать общество с весьма высоким уровнем жизни и системой социальной защиты населения.

Таким образом, система развитого индустриального капитализма в Европе и Америке позволила создать и развитую систему социальной защиты, которая обозначается в разных странах по-разному («государство благосостояния», «социальное государство», «дом народа») [Социальное государство в странах ЕС... 2016]. Наибольшее развитие социальное государство получило в европейских странах. Применительно к Европе можно говорить о возникновении единой Европейской социальной модели (ЕСМ). Ее при этом нередко противопоставляют Американской социальной модели (АСМ). Что характеризует первую модель? Выделяют четыре основных параметра, которые, как считается, являются ключевыми для ЕСМ. Первый параметр – это устойчивый экономический рост. Второй – социальная сплоченность. Третий – защита окружающей среды. Четвертый параметр – человеческое достоинство. Его значимость увеличивается в последние десятилетия по той причине, по которой европейцы все больше осознают необходимость вложений в человеческий капитал, что является необходимым условием для социально-экономического развития.

Известно следующее определение Европейской социальной модели: «ЕСМ – это схема развития общества, основанная на принципах уважения человеческого достоинства, социальной солидарности, социальной справедливости и социальной ориентированной конкурентоспособной экономики в условиях благоприятной экологической обстановки» [Каргалова 2011, 183].

Различные сферы жизни общества (экономика, социальная сфера, политика) рассматриваются в рамках ЕСМ как тесно связанные друг с другом, т.е. особенность Европейской социальной модели заключается в том, что она не сводится к мерам по социальной поддержке. Не случайно именно ЕСМ рассматривается самими европейцами как основа общеевропейской идентичности, «социальный стержень» Европы [Каргалова 2011, 184].

Несмотря на складывание в послевоенной Европе единой Европейской социальной модели, по-прежнему (и после создания

Европейского союза) можно говорить о наличии достаточно выраженных страновых моделях социального государства и социальной политики. Иногда в литературе выделяют четыре таких модели (континентальная, нордическая, англосаксонская и средиземноморская [Социальное государство в странах ЕС... 2016], но классическим является представление о трех основных моделях – германской (континентальной, корпоративистской), североευропейской (скандинавской) и англосаксонской [Esping-Andersen 1990].

Германская модель социального государства

Первой из названных трех моделей появилась именно германская (континентально-корпоративистская). Ее возникновение связано с именем германского канцлера Отто фон Бисмарка. Становление этой модели социального государства приходится на последнюю треть XIX в. Именно тогда были приняты три основных закона, заложивших основы социального государства: «Закон о страховании по болезни» (1883); «Закон о страховании от несчастных случаев» (1884); «Закон о страховании по старости и инвалидности» (1889). Как известно, сильная социальная политика, осуществлявшаяся в германской империи, имела своей причиной стремление имперской элиты обеспечить социальный мир и тем самым противостоять «социалистической заразе». Идеино-теоретическим обоснованием бисмаркианского социального государства стали идеи Лоренца фон Штейна, ратовавшего за создание условий для свободного развития индивида под эгидой монархии, а также идеи катедер-социализма [Гранин, 2019; Ефимов, 2015; Кочеткова, 2008].

Особенности бисмаркианской модели социального государства заключаются в следующем: 1) упор делается не на усиление налогообложения, а на развитие социального страхования (в этом – важное отличие данной модели от североευропейской); 2) социальное страхование носит универсальный характер (все работающие должны быть застрахованы, а все работодатели являются страховщиками); 3) размер социальных отчислений напрямую зависит от трудового стажа и размеров предыдущих вкладов (иными словами, социальные отчисления должны гарантировать поддержание социального статуса индивида); 4) сбором социальных отчислений занимаются специальные страховые кассы, аккумулирование и последующее распределение средств осуществляется специальными страховыми фондами. Это означает, что система социального страхования в Германии традиционно является автономной, самоуправляемой и отделена от государства (при этом часть средств в страховых фондах все равно формируется за счет средств государственного бюджета);

5) управление страховыми кассами и фондами реализуется на выборной основе; 6) социальное законодательство в Германии выведено в отдельную, специальную, отрасль права [Белов 2011].

Таким образом, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, особенность бисмаркианского социального государства состоит прежде всего в создании институциональных механизмов и условий для поддержания высокого социального статуса индивида (наемного работника) после того, как он фактически прекращает свою трудовую деятельность [Bonoli 1997; Сидорина, 2013, 68–71]. Этим данная социальная модель отличается от англосаксонской, ориентированной на искоренение нужды, и от североευропейской, сочетающей универсализм социальной защиты с поддержанием высокого уровня жизни (см.: [Канарш 2020б, 174–181]).

Однако наряду с бисмаркианской моделью еще одной основой германского социального государства является теория и практика социального рыночного хозяйства, заложенная Вальтером Ойкеном и другими теоретиками ордолиберализма, в практическом плане реализованная в послевоенный период Людвигом Эрхардом [Социальное рыночное хозяйство... 2017; Социальное рыночное хозяйство... 2007]. Ее суть, на первый взгляд, противостоит классической европейской социальной модели – акцент делается не на обеспечение социальной защиты индивида, но на создание условий для его саморазвития. Согласно ордолибералам и Эрхарду, государство должно создавать такие институциональные условия, в рамках которых каждый человек мог бы обеспечить собственное благосостояние, а не рассчитывать на помощь государства. Главными условиями такого рода ордолибералы считали защиту конкуренции и ограничение монополизма. По их мнению, конкурентный социальный порядок – это то, что создает возможности для увеличения национального благосостояния. В свою очередь, увеличение благосостояния означает, что социальные выплаты государства сводятся к минимуму (ограничиваются поддержкой наименее обеспеченных). При этом, как считал Людвиг Эрхард, государство должно создавать равные стартовые условия для всех, а также способствовать накоплению собственности. Это неолиберальная позиция, которая, однако, считается во многом актуальной и для современной России (императив поддержки не только слабых, но и сильных в обществе и государстве) [Беляева, 2019].

Говоря о германской модели, важно отметить потенциал социального консенсуса, ставший одним из ключевых условий становления социального государства. Как пишут авторы фундаментальной монографии «Социальная Европа в XXI веке», германское социальное государство «...предусматривает в каче-

стве своих основных принципов разумный компромисс вместо конфронтации, согласие – вместо односторонних действий, терпимость – вместо радикализма, эволюцию – вместо революции» [Белов 2011, 249]. Эта особенность – нацеленность на социальный компромисс и эволюционное развитие – характерна, впрочем, не только для Германии, но может считаться важнейшей чертой европейской социальной модели. В Германии она воплощается в системе социального партнерства – тесного взаимодействия между организациями трудящихся, предпринимателей и государства, которое реализуется на разных уровнях (предприятия и общенациональном) и предполагает обсуждение широкого спектра вопросов, касающихся рынка труда. Большое внимание к проблеме регулирования труда как условию обеспечения достойной жизни индивида (в противоположность его обеспеченности благами) – является отличительной чертой неолиберализма ордолибералов и характерным образом отличает послевоенную германскую модель от бисмаркианской [Социальное государство в странах ЕС... 2016, 45–65].

Известной особенностью германской модели является т.н. тарифная автономия – право организаций рабочих и работодателей самостоятельно, без участия государства, заключать соглашения о величине заработной платы на предприятии. Важным является и демократия соучастия на предприятии – система, которая предполагает широкую вовлеченность работников в управление предприятием (через Советы предприятия и наблюдательные Советы). Впрочем, в последние два десятилетия эти характерные особенности германской модели социального государства начинают постепенно демонтироваться, что связано с необходимостью поддерживать высокий уровень конкурентоспособности германской экономики в условиях глобализации [Зарицкий 2003].

Можно утверждать, что именно германская модель составила основу т.н. рейнского капитализма, который в 1990-е гг. активно противопоставлялся «дикому» неолиберальному капитализму американского образца [Альбер 1998].

Североевропейская модель социального государства

В определенной мере противоположностью германской модели является североевропейская (скандинавская, нордическая) модель. Прежде всего она отличается от германской тем, что государство играет в ней весьма значительную роль. Это не удивительно: германское социальное государство изначально носило консервативный характер, тогда как скандинавское – социал-демократический. Второй момент, который отличает скандинавскую модель, – это то, что социальное обеспечение осуществляется в первую очередь не за счет средств социального страхования (как в Германии),

а за счет налогообложения [Сидорина 2018, 60–67; Социальное государство в странах ЕС... 2016, 9–11]. И наконец, еще одно важное отличие – это сильная тенденция к равенству, связанная с традициями скандинавских обществ, усиленных в XX в. многолетним правлением социал-демократических партий [Создавая социальную демократию... 2001].

Можно говорить о двух основных особенностях, которые обеспечивают высокую жизнеспособность скандинавской модели (считается, что она является лучшей в мире). Первая особенность – это культура социального и политического компромисса. Как и в Германии, в Скандинавских странах консенсус – ключевое понятие общественной и политической жизни. Он пронизывает все общественные отношения – от регулирования труда (система социального партнерства) до взаимодействия между политическими партиями. Вторая особенность – сильная встроенность скандинавской модели в международные процессы разделения труда. Экономика региона с давних пор носит экспортоориентированный характер. Примечательно, что, начав с продажи товаров, представляющих естественное преимущество (лес, рыба, руда), страны постепенно перешли к развитому машиностроению, а затем – к инновационной экономике [Антюшина 2011].

Кроме этих двух особенностей, представляющих собой несущие конструкции североευропейской модели, можно назвать еще несколько характерных для нее черт: 1) значительная роль государства в социальных и экономических процессах (включая обширный госсектор в экономике); 2) способность достигать одновременно разнонаправленных целей за счет прагматичной государственной политики (социальная справедливость и экономическая эффективность; высокое потребление и экологическая безопасность); 3) инновационный характер развития (социальные, экономические и технологические инновации); 4) щедрая система социальной поддержки, основанная на прогрессивной шкале налогообложения и отчасти – социального страхования; 5) наличие высокоразвитой экономики, сочетающей возможности как мелкого, так и среднего и крупного бизнеса; 6) сочетание различных форм собственности (государственной, муниципальной, частной и кооперативной); 7) развитая система местного самоуправления и развитое гражданское общество (множество общественных организаций самого разного профиля, тесно взаимодействующих с властью) [Антюшина 2011, 299–319; Канарш 2020б, 174–181; Социальное государство в странах ЕС... 2016, 137–154; Сидорина 2018, 60–67].

Несмотря на различия с германской моделью, представляется, что общего все же значительно больше. Это общее проявляется

прежде всего в прагматизме, который позволяет осуществлять взвешенную социальную и экономическую политику, находить «золотую середину» в самых разных вопросах. Этот прагматизм, как нетрудно заметить, роднит западных европейцев с восточноазиатами (в частности, китайцами) и напротив, значительно отличает Европу от России, для которой на протяжении ее истории было характерно «шараханье» из крайности в крайность (включая и вопросы социальной политики) (см., напр.: [Канарш, 2011, 155–165]). Прагматизм проявляется как в общем политическом выборе шведских социал-демократов (не разрушение рыночной экономики – «курицы, которая несет золотые яйца» [Социальное государство в странах ЕС... 2016, 139]), так и в умелом сочетании целей социальной и экономической политики. Последнее означает, что вложения в одну сферу (социальную) начинают поддерживать развитие в другой сфере (экономической): например, поддержание платежеспособного спроса ради развития инновационной экономики, а также вложения в человеческий капитал [Антюшина 2011, 317].

Англосаксонская модель социального государства

Третья модель социального государства – англосаксонская – включает в себя социальные системы Великобритании и США (Американская социальная модель). Считается, что основой данной модели стал знаменитый отчет Бевериджа (британского лорда У. Бевериджа), представленный специальной комиссией в Великобритании в 1942 г. Меры социальной политики, обозначенные в нем, имели свои особенности, отличавшие данную модель как от германской (бисмаркианской), так и североевропейской [Benassi 2010; Сидорина 2013, 88–71; Канарш 2020б, 174–181]. Во-первых, эта модель была ориентирована не на поддержание высокого социально-экономического статуса (как в Германии), не на универсальную социальную поддержку с высоким качеством жизни (как в Швеции), а на борьбу с нуждой и лишениями (т.е. это некий минималистский проект в принципе). Во-вторых, она носила некий компромиссный характер, предполагавший использование как систем прогрессивного налогообложения, так и социального страхования.

Но подлинным прорывом в деле построения государства благосостояния считается приход к власти в 1945 г. правительства лейбористов [Сидорина, 2018, 74–80; Громыко 2011]. Они осуществили широкую программу национализации предприятий, а также целых отраслей промышленности и различных социальных служб. Были приняты специальные законы, устанавли-

вающие широкую инфраструктуру государства благосостояния, благодаря которым созданы: 1) национальная система здравоохранения; 2) национальная система социального страхования (по болезни, нетрудоспособности, по старости и др.); 3) система социальной помощи, дополнявшая вторую в отношении тех, кто по тем или иным причинам не был охвачен широкой сетью социальной поддержки. Кроме того, лейбористы видели свою задачу в обеспечении полной занятости. В послевоенные десятилетия был достигнут компромисс между двумя главными партиями Великобритании – лейбористской и консервативной, каждая из которых была уверена в необходимости поддержания и развития государства благосостояния.

В то же время в истории Великобритании был период, в который государство попыталось радикально отойти от политики благосостояния (1980-е – первая половина 1990-х гг.), когда у власти находились консервативные правительства (период «тэтчеризма»). Для него характерен сдвиг политики в сторону приватизации, сокращения социальных программ и всей инфраструктуры государства благосостояния. Считалось, что рост социальных расходов является главным препятствием для экономического роста и раскрепощения индивидуальной инициативы [Перегудов 1996]. Однако уже в 1990-е гг. был достигнут новый консенсус между либералами и консерваторами: первые признали важное значение рыночных сил и экономического либерализма, вторые – необходимость сильной социальной политики [Громыко 2011, 330]. Усиление консенсусных начал происходит и в политике т.н. «новых лейбористов» в конце 1990-х гг. и в течение большей части 2000-х гг. под руководством премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Во-первых, Блэр активно заимствует из идейного багажа различных социально-философских течений (например, коммунитаризма и левого либерализма); во-вторых, он проводит социальную и экономическую политику, на первый взгляд сочетающую несочетаемое (значительные вложения в социальную сферу и сохранение приватизированных предприятий в неприкосновенности, поддержка семей и малообеспеченных и одновременно – либерализация рынка труда и т.д.) [Работяжев 2012; Работяжев 2014; Охошин 2014; Павлова 2009; Бунькова, 2005]. «“Третий путь” – стремление сочетать часть оправдавшего себя наследия британских «новых правых» с социал-демократическими традициями, экономическую эффективность с социальной справедливостью, свободу индивида со здоровым коллективизмом, социальный рынок континентальной Европы с англосаксонским капитализмом – стал визитной карточкой Тони Блэра» [Громыко 2011, 343].

Впрочем, в последнее десятилетие в Великобритании снова происходит серьезный поворот в сторону либерально-рыночной модели, что связано с острой потребностью в оздоровлении финансовой сферы после кризиса 2008–2009 гг. и последующего экономического спада [Социальное государство в странах ЕС... 2016, 66–83].

Таким образом, в британской социальной политике, несмотря на ее особенности (в сравнении с германской и шведской моделями), мы видим *типично общеевропейское* – нацеленность на социальный и идейный компромисс, поиски «золотой середины» («третий путь»), что позволяет сочетать успешную социальную политику с достижением экономического прогресса.

Американская модель, хотя и считается одним из вариантов англосаксонской, имеет значительные отличия от британской концепции социального государства. Главное различие заключается в том, что американская модель *не является подлинно универсалистской* – несмотря на ряд предпринимавшихся в XX в. попыток создать универсальное социальное государство «для всех», США так и не смогли полностью реализовать данную политику. Для американского государства благосостояния характерны следующие черты: 1) невысокая роль государства в социально-экономических процессах, в значительной мере социальное обеспечение отдано «на откуп» частным и благотворительным организациям; высокая роль гражданского общества в вопросах социального обеспечения; 2) незначительная роль профсоюзов и вообще трудовой солидарности, проблемы труда чаще разрешаются на уровне отдельных предприятий, а не отраслевых профсоюзов; 3) поощрение государством и обществом высокой культуры труда, самореализации и самообеспечения граждан; высокая степень занятости населения, сочетающаяся при этом со значительным уровнем бедности и социального неравенства; 4) в социальной политике акцент делается не на перераспределение и выравнивание, а на борьбу с нуждаемостью (общее для США и Великобритании) [Социальное государство в странах ЕС... 2016; Сидорина 2018, 80–82; Риччери 2011].

В то же время нельзя не отметить, что на всем протяжении XX в. в США делались неоднократные попытки построить сильное государство благосостояния в европейском духе. Это прежде всего «новый курс» Ф. Рузвельта в 1930–1940-х гг., а затем попытки построения «Великого общества» в 1960-е гг. – периоды президентства Дж. Кеннеди и Л. Джонсона; сильная социальная политика была характерна и для демократического правительства У.Дж. Клинтона в 1990-е гг. [Риччери 2011]. На этом пути были достигнуты определенные социальные завоевания (например, создание развитой системы социального страхования при Руз-

вельте, систем медицинского страхования для малообеспеченных «Medicaid» и «Medicare» при Л. Джонсоне). Однако в целом для американского общества, в силу его социальной и культурной специфики, была характерна сильная направленность *против* создания обширной системы социальной поддержки, которая значительно усиливала бы положение социально слабых слоев, в частности этнических и расовых меньшинств. Именно поэтому в США так до сих пор нет общенациональной системы социального страхования, и значительные слои населения оказываются в бедственном положении, что провоцирует реакцию отчаяния и рост самоубийств [Менон 2019].

Можно утверждать, что и европейская, и американская модели социального государства являются прагматичными, однако *прагматизм европейцев отличается от прагматизма американцев*: если для первых характерна выраженная социальная направленность (равенство, солидарность), то американцев отличает индивидуализм и меньшая забота об общем благе (в европейском смысле). Европейский прагматизм поэтому представляется более зрелым, социально ответственным, чем американский, что, по видимому, проистекает из *различий в типичных национально-психологических особенностях*.

Заключение

Таким образом, эти три модели (континентально-корпоративистская, североевропейская и англосаксонская с двумя ее вариантами) создали основу социального государства в Западном мире. Повторим, что для всех них ключевым фактором явилась большая способность к социальному компромиссу и нахождению взвешенных решений в сфере социальной и экономической политики, что обусловило значительную эффективность каждой, несмотря на существенные различия. Германская модель основана на сочетании консервативной Бисмарка и неолиберальной Ойкена-Эрхарда. Ее ключевой особенностью является поддержание высокого социально-экономического статуса индивида вместе со стремлением создать условия для самообеспечения (в частности, посредством накопления собственности). Скандинавская модель зиждется на преобладающей роли государства и общественного сектора, ее характеризуют универсалистская направленность и стремление гарантировать достойные стандарты жизни для всех. Англосаксонская отличается значительно меньшей степенью государственного вмешательства в перераспределительные процессы, существенной ролью гражданского общества и акцентом на поддержку нуждающихся. Несмотря на имеющиеся различия, эти три модели составили содержа-

ние Европейской социальной модели, базирующейся на идеях уважения человеческого достоинства, социального равенства и солидарности, эволюционного пути развития и поиска социального компромисса. Думается, что указанные особенности ЕСМ будут и в дальнейшем определять направленность социальной политики в развитых странах мира. Кроме того, консенсусный опыт Европейской модели чрезвычайно важен в условиях российской постсоветской действительности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Альбер 1998 – *Альбер М.* Капитализм против капитализма. – СПб.: Экономическая школа, 1998.

Антюшина 2011 – *Антюшина Н.М.* Сущность и перспективы североевропейской модели // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011. С. 299–319.

Белов 2011 – *Белов В.Б.* Социальное государство в Германии // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011. С. 239–260.

Беляева 2019 – *Беляева Л.В.* Рост доходного неравенства и социальных дистанций как следствие ослабления социально-защитяющей функции государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. – СПб: Реноме, 2019. С. 118–153.

Болтански, Кьяпелло 2011 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Бунькова 2005 – *Бунькова Л.А.* Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация (1994–2001 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2005.

Гранин 2019 – *Гранин Ю.Д.* Социализация европейских государств в XVIII–XX столетиях // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. – СПб: Реноме, 2019. С. 41–94.

Громыко 2011 – *Громыко А.А.* Англосаксонская модель // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011. С. 320–347.

Ефимов 2015 – *Ефимов В.М.* Социальный вопрос и социальное государство в Европе второй половины XIX века // Народонаселение. 2015. № 2. С. 9–27.

Зарицкий 2003 – *Зарицкий Б.Е.* Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. – М.: Юристъ, 2003.

Иноземцев 2020 – *Иноземцев В.Л.* Мир заболел шизофренией // Московский комсомолец. № 28178. 25 января 2020. С. 3.

Канарш 2011 – *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Канарш 2020а – *Канарш Г.Ю.* «Незачем резать курицу, несущую золотые яйца»: социальное государство и его трансформации в начале XXI века // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 52–61.

Канарш 2020б – *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: Пути модернизации России в XXI веке. – М.: Ленанд, 2020.

Каргалова 2011 – *Каргалова М.В.* Определение и содержание Европейской социальной модели // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011. С. 173–186.

Кочеткова 2008 – *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 69–79.

Менон 2019 – *Менон Р.* Nation (США): самоубийство становится новой эпидемией в Америке // ИНОСМИ.РУ. 20 июня 2019. – URL: <https://inosmi.ru/social/20190620/245314774.html>

Охошин 2014 – *Охошин О.В.* Новый лейборизм Тони Блэра (1994–2007). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2014.

Павлова 2009 – *Павлова О.Ю.* Экономическая политика британских лейбористов при первом правительстве Э. Блэра (1997–2001 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2009.

Перегудов 1996 – *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. – М.: Наука, 1996.

Постфордизм... 2015 – Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартынова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Работяжев 2012 – *Работяжев Н.В.* Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Полития. 2012. № 3. С. 146–167.

Работяжев 2014 – *Работяжев Н.В.* Лейбористская партия Великобритании на пути адаптации к современному миру // Полития. 2014. № 2. С. 118–140.

Риччери 2011 – *Риччери М.* Американская модель как альтернатива ЕСМ на мировой арене // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. – М.: Весь мир, 2011. С. 349–373.

Сидорина 2018 – *Сидорина Т.Ю.* Государство всеобщего благосостояния. – СПб.: Нестор-История, 2018.

Сидорина 2013 – *Сидорина Т.Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. – М.: РГГУ, 2013.

Создавая социальную демократию... 2001 – Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции / под ред. К. Мисгельда, К. Молина и К. Омарка; предисл. Ю.М. Лужкова. – М.: Весь мир, 2001.

Социальное государство в странах ЕС... 2016 – Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Социальное рыночное хозяйство... 2007 – Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения

в России / под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. – М.: Издат. Дом ГУ–ВШЭ, 2007.

Социальное рыночное хозяйство... 2017 – Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики / ред.-сост.: К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова. – М.: Весь Мир, 2017.

Уэбстер 2004 – *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект-Пресс, 2004.

Федотова, Колпаков, Федотова 2008 – *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М.: Культурная революция, 2008.

Шевчук 2000 – *Шевчук А.В.* Постфордистские концепции (критический анализ). – Казань: КГУ, 2000.

Benassi 2010 – *Benassi D.* “Father of the Welfare State”? Beveridge and the Emergence of the Welfare State // *Sociologica*. 2010. No. 3. P. 1–21.

Bonoli 1997 – *Bonoli G.* Classifying Warfare States: A Two-dimension Approach // *Journal of Social Policy*. 1997. Vol. 26. No. 3. P. 351–372.

Edelman... 2020 – Edelman Trust Barometer 2020. – URL: <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf>

Esping-Andersen 1990 – *Esping-Andersen C.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

Harvey 1990 – *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. – Cambridge, MA : Blackwell, 1990.

REFERENCES

Albert M. (1991) *Capitalisme contre capitalisme*. Paris: Seuil (Russian translation: Moscow: Ekonomicheskaja shkola, 1998).

Antyushina N.M. (2011) Essence and Prospects of the North European Model. In: Kargalova M.V. (Ed.) *Social Europe in the 21st Century* (pp. 299–319). Moscow: Ves’ mir (in Russian).

Belov V.B. (2011) Social State in Germany. In: Kargalova M.V. (Ed.) *Social Europe in the 21st Century* (pp. 239–260). Moscow: Ves’ mir (in Russian).

Belyaeva L.V. (2019) The Growth of Income Inequality and Social Distances as a Result of the Weakening of the Social-Protecting Function of the State. In: Lapin N.I. (Ed.) *Formation of the Welfare State and Prospects of the Social State in Russia. Realities and Projects* (pp. 118–153). Saint Petersburg: Renome (in Russian).

Benassi D. (2010) “Father of the Welfare State”? Beveridge and the Emergence of the Welfare State. *Sociologica*. No 3, pp. 1–21.

Boltanski L. & Chiapello E. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2011).

Bonoli G. (1997) Classifying Warfare States: A Two-dimension Approach. *Journal of Social Policy*. Vol. 26, no. 3, pp. 351–372.

Bunkova L.A. (2005) *Social Program of the “New Labourites” in Great Britain: Preparation, Priority Directions, Implementation (1994–2001)* (dissertation). Moscow (in Russian).

Crawford K., Nevsky S.I., & Romanova E.V. (Eds.) *The Social Market Economy – the Founders and Classics*. Moscow: Ves’ mir (in Russian).

Edelman Trust Barometer 2020 (2020). Retrieved from <https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf>

Efimov V.M. (2015) Social Question and Social State in Europe of the Second Half of the 19th Century. *Narodonaseleniye*. No. 2, pp. 9–27 (in Russian).

Esping-Andersen C. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.

Fedotova V.G., Kolpakov V.A., & Fedotova N.N. (2008) *Global capitalism: Three Great Transformations. Socio-philosophical Analysis of the Relationship Between the Economy and Society*. Moscow: Kul’turnaia revoliutsiia (in Russian).

Granin Yu.D. (2019) Socialization of European States in the 18th–20th Centuries. In: Lapin N.I. (Ed.) *Formation of the Welfare State and Prospects of the Social State in Russia. Realities and Projects; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Socio-Cultural Changes* (pp. 41–94). Saint Petersburg: Renome (in Russian).

Gromyko A.A. (2011) The Anglo-Saxon Model. In: Kargalova M.V. (Ed.) *Social Europe in the 21st Century* (pp. 320–347). Moscow: Ves’ mir (in Russian).

Harvey D. (1990) *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, MA: Blackwell.

Ilchenko M.S. & Martyanov V.S. (Eds.) (2015) *Post-Fordism: Concepts, Institutions, and Practices*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Inozemcev V.L. (2020, January 25) The World is Sick with Schizophrenia. *Moskovsky Komsomolets*. No. 28178, p. 3 (in Russian).

Kanarsh G.Yu. (2011) *Social Justice: the Philosophical Conceptions and the Russian Situation*. Moscow: Moscow University for the Humanities Press (in Russian).

Kanarsh G.Yu. (2020a) “Do not kill the goose that lays the golden eggs”: Welfare State and Its Transformations in the Early 20th Century. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. Vol. 6, pp. 52–61 (in Russian).

Kanarsh G.Yu. (2020b) *Justice, Democracy, Capitalism: Ways of Modernizing Russia in the 21st Century*. Moscow: Lenand (in Russian).

Kargalova M.V. (2011) Definition and Content of the European Social Model. In: Kargalova M.V. (Ed.) *Social Europe in the 21st Century* (pp. 173–186). Moscow: Ves’ mir (in Russian).

Kochetkova L.N. (2008) Lorenz von Stein's Theory of the Social State. *Filosofiya i obshchestvo*. No 3, pp. 69–79 (in Russian).

Kvashnin Yu.D. (Ed.) (2016) *Social State in the EU: Past and Present*. Moscow: Institute of World Economy and International Relationship Press (in Russian).

Menon R. (2019, June 18) Suicide Is Becoming America's Latest Epidemic. *The Nation*. Retrieved from <https://www.thenation.com/article/archive/suicide-rate-americas-latest-epidemic/>

Misgeld K., Molin K., & Åmark K. (Eds.) (2000) *Creating Social Democracy. A Century of the Social Democratic Labor Party in Sweden*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press (Russian translation: Moscow: Ves' mir, 2011).

Nureev R.M. (Ed.) (2007) *The Social Market Economy: Concepts, Practical Experience and Application Prospects in Russia*. Moscow: HSE Press (in Russian).

Okhoshin O.V. (2014) "New Labourism of Tony Blair" (1994–2007) (dissertation). Moscow (in Russian).

Pavlova O.Yu. (2009) *Economic Policy of British Labourites under the First Government of A. Blair (1997–2001)* (dissertation). Moscow (in Russian).

Peregudov S.P. (1996) *Thatcher and Thatcherism*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rabobyazhev N.V. (2012) European Social Democracy in Search of Adaptation to the Changing World. *Politia*. No. 3, pp. 146–167 (in Russian).

Rabobyazhev N.V. (2014) The Labour Party of Great Britain on the Way to Adaptation to the Modern World. *Politia*. No. 2, pp. 118–140 (in Russian).

Ricceri M. (2011) The American Model as an Alternative to the ESM on the World Stage. In: Kargalova M.V. (Ed.) *Social Europe in the XXI Century* (pp. 349–373). Moscow: Ves' mir (in Russian).

Shevchuk O.V. (2000) *The Post-Fordist Conceptions (A Critical Analysis)*. Kazan: Kazan State University Press (in Russian).

Sidorina T.Yu. (2018) *The Welfare State*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Sidorina T.Yu. (2013) *The Welfare State: From Utopia to Crisis*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press (in Russian).

Webster F. (1995) *Theories of the Information Society*. London: Routledge (Russian translation: Moscow: Aspect-Press, 2004).

Zaritskii B.E. (2003) *The German Economy: The Path to the Stairs Leading Down*. Moscow: Yurist (in Russian).